

В В КОСТЮКОВА

В. В. ИЗМАЙЛОВ И С. РИЧАРДСОН

**(К истории западноевропейского влияния
на русскую сентиментальную повесть 1810-х годов)**

В В Измайлов, младший современник и последователь Н М Карамзина, известен нам прежде всего как поклонник идей и художественного творчества Ж-Ж Руссо (его статьи на просветительско-философские и касающиеся нравственного воспитания темы, напечатанные в издававшихся им журналах, полны отсылок к идеям Руссо, он открыл на свои средства пансион для мальчиков, где пытался использовать педагогическую систему, описанную в романе Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1805), литературная ориентация на «Новую Элоизу» Руссо заметна в его повестях «Ростовское озеро» и «Молодой философ», также он перевел «Руссовы письма о ботанике» (1810) и вслед за Руссо сам интересовался естественными науками)¹

Но, как показывает ряд его повестей, оригинальных и переводных статей, опубликованных в издаваемых им журналах («Вестник Европы» за 1814 г., «Российский музеум», 1815 г.), Измайлов так же высоко ценил и использовал в собственном творчестве и художественные достижения не менее известного русской читающей публике романиста — С Ричардсона (1689–1761)

Особенно часто имя Ричардсона и его героев появлялось на страницах «Вестника Европы» за 1814 год, когда Измайлов стал его издателем, определявшим идейную и художественную направленность журнала. Основными продолжали оставаться для Измайлова проблемы просвещения и воспитания — темы, поднятые еще в издаваемом им журнале «Патриот» (1804). Здесь он выступил с литературно-критической статьей

¹ *Дмитриев М А* Мелочи из запаса моей памяти 2-е изд М, 1869, *И(ванчин)-П(исарев) Н Д* О Владимире Васильевиче Измайлове // Литературная газета 1830 Т 2 № 66 22 ноября, *Сухомлинов М И* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению СПб, 1889 Т 2 С 264–266, *Горленко В П* Южно-русские очерки и портреты Киев, 1898 С 75–92, *Максимов А Г* 1) «Патриот» 1804 года Журнал воспитания, изд Измайловым // Лит вестн 1904 Т 8, 2) «Российский музеум, или Журнал европейских новостей» 1815 года, изд Измайловым // *Sertum bibliologicum* Пг, 1922, *Мордовченко Н И* Рус критика 1-й четв XIX в М, Л, 1959, *Кочеткова Н Д* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания) СПб, 1994, *Лобанова Л П* Измайлов В В // Русские писатели 1800–1917 Биографический словарь М, 1992 Т 2 Г–К С 408–409

«Взгляд на повести или сказки»,² где подчеркивал воспитательную роль повести как жанра.

В период же издания «Вестника Европы» Измайлова интересуют проблемы именно женского воспитания, влияние светского общества на становление женского характера. Поэтому особое внимание в журнале уделено женской теме: помещаются материалы о знаменитых женщинах XVIII столетия, многочисленные повести, представлявшие разные женские характеры и судьбы.

Среди этих повестей особенно выделяются повести самого Измайлова, появившиеся одна за другой в «Вестнике Европы» (1814) — «Летучие листочки, или Тайные записки светской дамы», «Обе школы, или Свет и уединение» и «Противоречия, или Гордость ума и слабость сердца». Все три повести объединены одной идеей — идеей развращающего влияния света на личность женщины.

Выделяются эти повести прежде всего тем, что, с одной стороны, они продолжали традицию «светской» повести, заложенную Карамзиным, с другой же — в них заметен поиск новых тем и художественных средств, приведший к достаточно интересным находкам.

Хотя повесть «Летучие листочки» вышла анонимно, можно предположить, что автором ее был Измайлов, — сравнительный анализ этих трех повестей показал их стилистическую близость. Анонимность же использовалась им как литературный прием для придания достоверности «тайным запискам» некой светской дамы, пожелавшей остаться неизвестной.

Перейдем к анализу повести «Летучие листочки, или Тайные записки светской дамы». Цель нашего анализа — установить, какое влияние оказал Ричардсон на повесть Измайлова.

Повесть написана под несомненным идейным и художественным влиянием «Моей исповеди» Карамзина. Исследователи отмечали, что в последних повестях Карамзина отразились новые художественные принципы писателя, свидетельствующие о существенных изменениях, произошедших в его мировоззрении и творчестве («понятие „чувствительность“ значительно расширяется и даже приобретает новый смысл»; главным предметом изображения становится «злодей»; создается большая дистанция между автором и героем; появляется авторская самоирония).³ Измайлов же как один из самых глубоких почитателей и последователей Карамзина чутко уловил изменения в художественной системе писателя и попытался воплотить эти новые художественные принципы в собственном творчестве. На фоне многочисленных подражаний «Бедной Лизе» Карамзина⁴ «Летучие листочки» Измайлова выглядели глубоким, интересным произведением.

² Патриот. 1804. Ч. II. № 5. С. 208–213.

³ Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Учен. зап. Таргуск. ун-та. 1957. С. 122–162; Макогоненко Г. П. Литературная позиция Карамзина в XIX веке // Русская литература. 1962. № 1. С. 68–106; Кочеткова Н. Д. Утверждение жанра в литературе сентиментализма и переход к новым поискам // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 53–77.

⁴ Сиповский В. В. Русский роман, переводной и оригинальный, за первую половину XIX столетия (1800–1850) // РО ИРЛИ, ф. 279, № 21, л. 11 об.

Следуя «Моей исповеди» Карамзина, Измайлов в «Летучих листочках» ставит проблему влияния на личность «светского» общества, а главным предметом психологического анализа делает отрицательного героя. Измайлов, как и Карамзин в «Моей исповеди», ставит задачу разобраться в психологии отрицательного персонажа.

В основе повести лежит оригинальный сюжет о том, как некая светская дама Елена пытается выгодно выйти замуж. При этом она использует всяческие уловки и, когда ей не удастся «заполучить» нужную ей кандидатуру, вынуждена довольствоваться мало интересным для нее и сторонящимся «света» Датуровым. Неожиданно для героини, которая считала, что выходит замуж за недалекого человека, которым можно будет руководить и вести светский образ жизни, муж оказывается умным, сильным и безупречно честным человеком. Основная сюжетная коллизия повести — идейное противостояние Елены и Датурова, т. е. противостояние нравственных принципов «чувствительного» героя цинизму его антипода — герою «света». Герой «света» (Елена) разоблачен, но при этом перевоспитать его не удастся, он остается прежним «отрицательным» героем.

Если общая идея образа «отрицательного» героя (герой понимает пошлость «света»), но принимает его законы и живет в согласии с ними) заимствована у Карамзина, то сам характер как «отрицательного» персонажа, так и его антипода — «чувствительного» явно ориентированы, на наш взгляд, на ричардсоновские характеры Ловласа и Грандисона. Такая ориентация неоднократно подчеркивается автором на протяжении всей повести — Елена читает романы Ричардсона, высказывает свое мнение по поводу их главных героев. Измайлов использует выработанный писателями-сентименталистами (Н. Ф. Эмин, Н. М. Карамзин) и ставший «общим» местом для поэтики сентиментальной прозы прием характеристики мировоззрения героя кругом чтения или вводит для той же цели рассуждения своих персонажей о любимых ими книжных героях.⁵ Исследователь М. В. Иванов видит за этим художественным приемом еще и «стремление подключить свое произведение к образцу»,⁶ что, по его мнению, является характерной особенностью как европейского, так и русского сентиментализма. Он исходит из выдвинутого им положения о нормативности эстетики «карамзинистов» в отличие от эстетики самого Карамзина. Нормативность же предполагает некий эстетический канон, а «подключение» — способ подчеркнуть принадлежность произведения этому канону.

Исследователь указывает на разные варианты такого «подключения»: «подключение» через название произведения («Российская Памела», «Российский Вертер» и т. д.); указания самих авторов на свою зависимость от образцов в предисловиях; называние своих героев именами героев известных произведений; чтение главными героями знаменитых произ-

⁵ Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 1. Чтение в жизни «чувствительного» героя // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 121–143.

⁶ Иванов М. В. Поэтика русской сентиментальной прозы // Русская литература. 1975. № 1. С. 115–121.

ведений, благодаря чему проводится аналогия между ними и «высокими» героями.

Прием «подключения» использует и Измайлов. В данном случае он «подключает» свою повесть к романам «образцового» Ричардсона. Так, в «Летучих листочках» Измайлов использует чтение главной героиней двух романов Ричардсона «Кларисса, или История юной леди» и «История сэра Чарльза Грандисона» как прием обрисовки ее характера. Причем прием этот Измайлов использует уже в начале повести (она начинается с чтения героиней указанных романов), тем самым как бы сразу предлагая ключ к пониманию характера Елены.

Елена не просто читает романы Ричардсона, она пытается анализировать образы Ловласа, Клариссы, Грандисона. Ее суждения об этих образах резко отличаются от общепринятых. Так, Ловлас для нее не злодей, а человек, владеющий «тонким искусством» оболъщения, с которым интересно вступить в поединок. Образ же Грандисона, напротив, оценивается ею как скучный и утомительный в своем совершенстве: «Характер Ловласа, при всей его резкости, заманчивее характера Грандисона, которого совершенство для меня утомительно. Первый задает по крайней мере труд отыгрываться от его тонкаго искусства, а последний оставляет без дела ум и сердце женщины, ведя ее за руку на свободном пути любви, удерживая ее от падения, следуя за каждым ее шагом почти как неотступная Минерва за любовником Евхарисы».⁷

Мнение Елены об образе Клариссы идет вразрез с мнениями «философов» и «моралистов» (вероятно, Елена наслышана о восторженных отзывах об этом образе Д. Дидро, Ж-Ж. Руссо, Х. Ф. Геллерта, А. Галлера). Высокие оценки именно этих авторов (на них ссылались во многих русских сентиментальных журналах) повлияли на восприятие ричардсоновских образов в русском образованном обществе. Трактовка же образа Елены, отличная от общепринятой, используется Измайловым как прием для передачи ее мировосприятия. Этот эпизод является косвенным свидетельством степени известности в русском образованном обществе как самих романов Ричардсона, так и мнения о них знаменитых европейских авторов.

Елена не воспринимает Клариссу как образец стойкой добродетели. Она считает, что, оказись Кларисса в других обстоятельствах, она бы, забыв добродетель, как любая светская дама стала бы удовлетворять свое самолюбие игрой-борьбой с противоположным полом. Героиня Измайлова пытается снизить высокий образ Клариссы: «Нет, воля ваша, господа философы и моралисты, будь только Кларисса в других обстоятельствах, не в заключении и не в изгнании, а на свободе, на обширном театре света, где героини любви могут вести равный бой с Алкидами другого пола, и Ловелас утешит ея самолюбие, займет ея сердце приятнее всех Грандисонов в мире».⁸

Измайлов пользуется здесь приемом характеристики отрицательного персонажа, который состоит в том, что герой критически оценивает заведомо положительные образы и, напротив, восхищается образами отрица-

⁷ Вестник Европы. 1814. № 15. С. 179–180.

⁸ Там же.

тельными, чем и обличает себя. Елена обличает себя оценкой, данной ею героям Ричардсона — Клариссе и Грандисону. Образ же Ловласа ей близок и интересен. В этом заметна попытка автора задать аналогию между своей героиней и образом Ловласа.

И далее, уже возникшая параллель Елена — Ловлас находит дальнейшее подтверждение по ходу развития сюжета и характера героини. Рассмотрим на примерах, с помощью каких художественных средств раскрывается автором эта аналогия. Во-первых, нужно отметить сходство мотивов поведения Елены и Ловласа, заключающееся в следующем: и Елена, и Ловласу важны любовные победы в свете, их поступками движет самолюбие и гордость. На эту особенность характера Ловласа указывает М. Голден.⁹

Измайлов наделяет свою героиню отдельными чертами характера Ловласа: она умна, самолюбива, иронична и цинична. Ее образ создается автором с помощью тех же художественных средств, что и образ Ловласа, и прежде всего используется речевая характеристика героини (она начитана, цитирует известных авторов, играет словами и т. д.).

Елена, как и Ловлас, словесно выражает свою суть: «...какое обширное поле для женских побед»; «...и без того дело мое требовало всех хитростей Овидиевой науки»; «подцепила его на дно моих глубоких сетей, но он ускользнул» и т. д.

Елене, как и Ловласу, свойствен цинизм. Например, она говорит о предполагаемом выгодном для нее женихе престарелом графе Д**: «...по годам своим он годился бы быть стражем Султанского сераля» или «...потчивали его оранжерейными фруктами, чтобы вкусными плодами оживить немного его мертвые соки».¹⁰ Или, попав в общество сельских дворян, она иронизирует по поводу их разговоров и привычкой разделяться на две половины, женскую и мужскую. В связи с этим она цинично заявляет: «...это разделение на подобие того, как обещано в день Страшного Суда разделить праведных и грешных».¹¹

И Ловлас, и Елена, не веря в женскую добродетель, всегда стремятся испытать ее, если на их пути встречается ее образец. Как цель Ловласа состоит в том, чтобы испытать добродетель Клариссы (об этом он сообщает в Письме 185 к своему другу Бельфорду), так и цель Елены — испытать Софию и Датурова. Рассуждения Елены и Ловласа о беспорочных женщинах очень близки: «Такие типы женщин существуют лишь потому, что по каким-то причинам отсутствуют искушения, а не потому что они могут устоять против них».¹²

Сельское уединение для нее — «имеет великую цену в отношении к любовным завязкам, ибо гораздо легче в отсутствии другой женщины завязать и укрепить узел сердечной любви».

И хотя характер главной героини и не дан в развитии (автор сосредоточился на другом — на описании и психологическом обосновании ха-

⁹ *Golden M. Richardson's Characters. The University of Michigan Press. 1963.*

¹⁰ Вестник Европы. 1814. № 15. С. 184.

¹¹ Там же. № 20. С. 251.

¹² Там же. С. 249.

рактера и поведения Елены как уже «отрицательного» образа), но все же эта эволюция декларируется им весьма характерным способом — героиня вспоминает, что и у нее когда-то, до вхождения в свет, Грандисон был любимым героем, в то время как сейчас она увлечена его антиподом Ловласом. Так, Елена размышляет: «Помню живо, что в детстве моем любила я страстно картину высоких добродетелей в книгах и на театре; сердце мое трогалось бедствиями несчастных; ничто изящное не было чуждо моему сердцу; и я проливала слезы от удивления Грандиссону, и подобным ему героям».¹³

Далее Измайлов использует один из известных приемов характеристики героя — прием пародирования отрицательными героями положительных персонажей. Например, Елена, разыгрывая «романическую комедию» с Любковичем, одним из предполагаемых женихов, отводит себе роль Клементины, известной героини Ричардсона из романа «Грандисон». Елена притворно повторяет смиренную позу Клементины «... положила руку на сердце, взглянула на небо, опустила взоры на землю и стояла в живописном положении чувствительной Клементины».¹⁴

Итак, Измайлов создает образ сильной, волевой женщины, которая подобно Ловласу привыкла побеждать в светских любовных интригах.

При создании образа Датурова Измайлов явно ориентировался на образ Грандисона. Елена и сама его сравнивает с Грандисоном. Грандисон, как и муж, для нее скучны (она считает его «фанатиком добродетели», поступающим «по правилам строжайшей честности, наблюдаемой им во всех делах жизни»). Измайлов делает своего героя таким же принципиальным в своей добродетели, каким является ричардсоновский Грандисон. Так, Грандисон оставляет Клементину, поскольку она другого вероисповедания, а Датуров — Елену, объясняя это тем, что опасность грозит его добродетели.

Таким образом, в повести «Летучие листочки, или Тайные записки светской дамы» образы главных героев созданы под явным влиянием образов Ричардсона. Причем образ Елена — Ловлас более глубокий, чем русские Ловласы XVIII века (ср.: Ветрогон из романа Н. Эмина «Роза, полусправедливая и оригинальная повесть»; граф Плуталов и Ветролет из романов П. Львова «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» и «София»). Главным стал отрицательный герой, чей образ, благодаря ориентации автора на известный персонаж Ричардсона, получился богаче и живее, чем положительный (Датуров).

В основе сюжета другой повести Измайлова того же года «Противоречия, или Гордость ума и слабость сердца» лежит мотив, на наш взгляд, взятый им из «Клариссы» Ричардсона. Мотив этот можно определить как мотив любви, скрытой за дружбой и внешними противоречиями. Вообще же, эта тема привлекала внимание Измайлова, о чем свидетельствует переведенный им диалог «Любовь и Дружба», который появился в «Вестнике Европы» в 1813 году, т. е. годом раньше повести «Противоречия».

¹³ Там же. № 21. С. 5.

¹⁴ Там же. № 15. С. 184.

Герои повести стараются представить себя антиподами, внешне они в состоянии борьбы, гордыня не позволяет им признаться, что они влюблены друг в друга (ср.: в романе Ричардсона за внешней борьбой между Ловласом и Клариссой — глубоко скрытый интерес друг к другу).

Правда, у Ричардсона этот мотив подчинен главной теме — теме духовного противостояния порока и добродетели. Измайлов же ставит перед собой более простую психологическую задачу: выявить истинную причину споров и противоречий, возникших между героями. Конфликт повести Измайлова в отличие от конфликта ричардсоновской «Клариссы» не несет в себе никаких глубоких социальных и нравственных оснований. Он носит чисто этический характер: гордыня и тщеславие, черты характера главных героев, являются движущей силой конфликта повести.

Измайлов явно проводит параллель между своим героями, Валерией и Евгением, и героями Ричардсона, Клариссой и Ловласом. Он использует реминисценцию, отсылающую читателя к роману Ричардсона «Кларисса». Так, когда между героями Измайлова зашел разговор о дружбе, Валерия, сообщает автор, «хвалила описание сей героической страсти в Ричардсоновой Клариссе и в Руссовой Элоизе, и говорила шутя, что «любовь отсвечивается в дружбе, как солнце в стекле или в воде».¹⁵ Здесь явная отсылка к эпизоду из романа «Кларисса», в котором героиня отвергает любовные посягательства Ловласа, говоря, что она испытывает к нему лишь дружеские чувства. В ответ же она слышит от Ловласа эти ироничные слова.¹⁶

Попробуем проанализировать, какую идейную и художественную функцию несет эта реминисценция в данной повести. Валерия и Евгений рассуждают о дружбе и любви, причем Валерия превозносит дружбу, а Евгений считает ее «жалким подобием любви». Та же тема дружба-любовь присутствует и в романе Ричардсона, где Кларисса «героически» пытается убедить и себя, и Ловласа в том, что она испытывает к нему лишь дружеские чувства. Ловлас же, как и Евгений, предпочитает дружбе любовь. Валерия определяет «дружбу» Клариссы как «героическую страсть», и сама Валерия всячески пытается скрыть свое чувство к Евгению под видом дружбы.

Намеченная автором параллель поддерживается психологической зарисовкой взаимоотношений его героев, в основе которых лежит борьба двух самолюбивых и гордых натур. Измайлов наделяет в целом положительный образ Евгения отдельными чертами образа Ловласа: «Евгений имел строгие добродетели, едва смягченные глубокою чувствительностью, великую привязчивость к светским порокам и маленькую слабость досадовать на успехи, чуждые его славе».¹⁷ Образы Валерии и Клариссы при всей своей несхожести имеют одну общую черту — и та и другая пытаются скрыть любовное чувство за дружбой, обе противостоят предмету своей страсти. Правда, если противостояние Клариссы Ловласу несет в себе высокий духовный смысл, то противостояние Валерии Евгению — это всего лишь светское соперничество.

¹⁵ Вестник Европы. 1814. № 10. С. 89.

¹⁶ Clarissa, or the History of a Young Lady. London, 1769. Vol. V. P. 170.

¹⁷ Вестник Европы. 1814. № 10. С. 87.

Таким образом, в основу повести «Противоречия» Измайлов положил один из мотивов «Клариссы» Ричардсона (мотив любви, скрытой за дружбой и внешними противоречиями), но при этом иначе сюжетно оформил его. Чтобы поддержать свою повесть авторитетом образца, Измайлов использует прием уподобления (через реминисценцию).

В повести «Обе школы, или Свет и уединение» тема вынесена уже в название — противопоставление двух миров, «светского» и «уединенного». Тема стала одной из центральных для «Вестника Европы» 1814 года. Свое духовное обоснование она нашла в «Молитве уединенного» Н. Д. Иванчина-Писарева, помещенной Измайловым вслед за повестью «Обе школы». Это своеобразная молитва сентиментально настроенного человека, благодарящего Бога за то, что он «удалил его от зараженных развратом городов» и в «блаженном уединении» он «издали взирает» на «кровавую игру страстей ненасытных и злобных».¹⁸

Содержание повести сводится к следующему: главная героиня Пальмира из домашнего «уединения» попадает в «светское» общество и становится жертвой интриги, затеянной дочерью хозяйки «светского» салона Модолоубовой. Желая отомстить своей удачливой сопернице, к которой ушел граф Изумрудов, она делает все, чтобы разорвать их отношения: пытается заинтересовать графа невинной Пальмирой. Пальмира же постепенно увлекается графом, подчиняется законам «света». Только стараниями добродетельного, стонящегося «света» Ипполита Милодарова ей удается вернуться к прежним добродетелям.

В этой повести, как и в «Летучих листочках», Измайлов использует прием «подключения» произведения к образцу — «подключение» через чтение героями известных произведений. В данном случае герои Измайлова читают романы Ричардсона «Клариссу» и «Грандисона», благодаря чему проводится аналогия между ними и «высокими» героями Ричардсона. Из текста повести следует, что «чувствительный» герой и его сестры зачитывались романами Ричардсона. В соответствии с канон сентиментальной повести чтение происходило в беседке, романы выбирались «маминькой» и читались в ее присутствии. Чтению в семье героя придавалось большое воспитательное значение: «... мы летели скорее к развязке романов (ричардсоновских. — В. К.), а заботливая материнская любовь останавливала нас на каждой странице, заставляя замечать возвышение чувств, благородство любви, нравоучения писателя».¹⁹ Герои Измайлова оценивают окружающих их людей через любимые ими образы Ричардсона: «Этот дерзкий мальчишка, перешептывались мы с сестрицею, не будет никогда благоразумным Грандисоном, а этот гордый Нарцисс не обещает ли другого Ловеласа?»²⁰ Идеальным героем в семье становится «робкий, стыдливый, осторожный юноша» — идеал, воспринятый ими из романов С. Ричардсона, Г. Филдинга и Ж.-Ж. Руссо.

Благодаря подобному приему «подключения» в читательском восприятии проводится аналогия между образом Ипполита Милодарова и Гран-

¹⁸ Вестник Европы. 1814. № 8. С. 297.

¹⁹ Там же. № 4. С. 257.

²⁰ Там же. С. 258.

дисоном Ричардсона. Кроме того, у них одна сюжетная функция — «спасательная»: Грандисон спасает мисс Байрон от посягательств сэра Харгрейва и затем женится на ней, а Милодаров спасает Пальмиру от графа Изумрудова и интриг Модолобовой и тоже женится на ней.

Измайлов наделил Милодарова отдельными чертами характера Грандисона: он никогда не уступит в том, что может принести ущерб его чести или совести; он готов помочь нуждающимся.

Образ графа Изумрудова, «русского Ловласа», вполне типичный образ сентиментальной светской повести. Сходство образов чисто внешнее, поверхностное. Ричардсон вносил в образ своего героя глубокую идею (Ловлас ниспровергает общественную мораль, нарушая законы нравственности. Когда на его пути появляется Кларисса, образец высокой добродетели и сильной личности, его целью становится искушить и ниспровергнуть добродетель. Когда же это ему не удается, он прибегает к насилию. Добродетель повержена, но не сломлена). Ловлас блестящий светский обольститель, хорошо образованный и циничный.

Измайлов же ставил перед собой иную задачу — показать, как губительно действует «свет» на хорошую, но не стойкую героиню. Поэтому ему не нужен был такой «злодей», как Ловлас. Измайлов берет отдельные черты, присущие этому образу. В тексте находим авторские определения, данные графу Изумрудову, намекающие на связь этого образа с Ловласом Ричардсона. Измайлов, характеризуя своего героя, пишет: «Сей мастер любовного искусства и всех его хитростей наизусть читая Тибулла и Петрарку, Боккация и Парни, Фобласа и Кребилюновы сказки, умел говорить с женщинами, смотря по характеру и случаю языком наглаго сластолюбца, или нежного любовника. Никогда острога не украшала такого развратного ума и никогда щастие света не ласкало другого недостойнейшаго человека».²¹ Когда Измайлов называет его «красавцем и совершенным героем романа», у читателей не возникает сомнения, каким героем и какого романа является граф Изумрудов.

Как видим, в названных повестях Измайлов создавал свои образы, ориентируясь на известные ричардсоновские образы Ловласа, Клариссы и Грандисона. Кроме того, он использовал как средство характеристики своих героев чтение ими романов Ричардсона, а также реминисценции, напоминающие сцены из этих романов.

Касаясь проблемы востребованности образов английского романа русской прозой конца XVIII века, В. В. Сиповский в своем известном труде «Очерки из истории русского романа» приходит к выводу о том, что «излюбленными героями нашего «английского» романа оказались Памела, Ловлас, Юлия, Сен-Пре и Вертер; почти незаметны следы интереса к Клариссе и Грандисону ...»²² Но, как видно из проанализированных нами повестей, в начале XIX столетия эта картина несколько меняется. Образ Грандисона привлек внимание Измайлова. Так, он использовал его в своих повестях в качестве положительного образа, противостоящего хотя и главным, но «сбившимся с пути» героям. Грандисон Измайлова

²¹ Вестник Европы. 1814. № 2. С. 96–97.

²² Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 58.

в одной повести («Летучие листочки, или Тайные записки светской дамы»), не добившись возвращения героини к добродетели, наказывает ее, в другой же («Обе школы, или Свет и уединение») он достигает цели — героиня спасена.

Обращение Измайлова к образу Грандисона, на наш взгляд, обусловлено появлением в его повестях «отрицательных» героев в качестве главных. Автор вслед за Карамзиным проявил интерес к психологии «отрицательного» героя, попытался дать ее социальную мотивировку. С другой же стороны, он проявляет себя как идеалист, вводя в повести образы, близкие образу Грандисона.

Измайлов несомненно знал как положительные, так и отрицательные отзывы европейской критики об образе Грандисона, в которых отмечалось, что постоянное совершенство делает образ скучным. Для самого же Измайлова, жившего идеей воспитания через просвещение и отводившего в этом особую роль роману и повести, образ Грандисона не представлялся скучным, напротив, он был идеальным образом для воспитания молодого человека. Не случайно как бы в защиту этого образа Измайлов выбирает для перевода отрывок «из иностранного журнала», в котором звучит обличительная речь в адрес «света»: «Свет есть подозрительный тиран; для него ненавистно все, что выше обыкновенной меры <...> Не поставляют ли в порок Ричардсону постоянного совершенства в характере его Грандиссона? А Грандиссон есть только герой романа: публика обличила себя невольным образом».²³

Большое нравственное значение придавал образу Грандисона и Карамзин. В статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» он писал: «Кто начинает „Злосчастливым дворянином“, нередко доходит до Грандисона».²⁴ О той высокой роли, которую Карамзин отводил образу Грандисона, говорит и тот показательный факт, что в первоначальном тексте статьи читатель «доходит до чтения „Новой Элоизы“». В поздней же редакции Карамзин заменяет роман Руссо «Грандисоном» Ричардсона.²⁵

Суждения о другом, более ярком и противоречивом, образе Ричардсона — Ловласе находим в статье «О новой Элоизе», представленной как «Письмо Россиянки», помещенной Измайловым в издаваемом им «Вестнике Европы». Статья имела определенную цель — защитить роман Руссо от нападок некоторых европейских критиков, указывавших на отсутствие в нем «моральной цели». Для доказательства обратного автор проводит параллели между «Клариссой» Ричардсона и «Новой Элоизой» Руссо, и, находя идейное сходство этих романов, апеллирует к авторитету Ричардсона: «Из новой Элоизы можно вывести то же нравоучение, какое мы извлекаем из Ричардсоновой Клариссы. . .»²⁶ Основную идею этих романов автор видит в том, что добродетельная женщина в «опаснейшей из страстей человеческих» (любовь) «не должна верить ни уму, ни сердцу»,

²³ О вежливости нравов // Вестник Европы 1814 № 24 С 332–333

²⁴ Вестник Европы 1802 № 9 С 44

²⁵ Кочеткова Н. Д. Середина 1780-х годов — 1800 сентиментализм // История русской переводной художественной литературы Древняя Русь XVIII век СПб, 1995 Т 1 С 262

²⁶ Вестник Европы 1814 № 9 С 44

если ею «не руководствует опытный рассудок или просвещенный друг». Таким образом, все богатство идей «Клариссы» (главная героиня погибает, но остается духовно непобежденной; гибель героини приводит к духовному перерождению героя-злодея; и др.) у российского критика сводится к одной моралистической идее, перефразируя которую можно сказать, что неосторожная любовь всегда бывает в противоречии с добродетелью. Содержание же образа Ловласа сводится к тому, что он «зверский» и «совершенный злодей». Сравним это упрощенное понимание образа с его оценкой у Карамзина, который считал, что образ Ловласа будет «удивлением всех читателей и всех времен» благодаря тому, что в нем «видим какое чудное, однако ж естественное смешение добрых и злых качеств — Ловелас иногда благородный, иногда безбашенный, иногда чудовище ...»²⁷

Говоря о двух героях, Ловласе и Сен-Пре, автор статьи отдает предпочтение герою Руссо. В основе подобного выбора лежит характерное для сентименталистов отношение к роману, как действительному средству воспитания. Автор пишет: «Или я ошибаюсь, или преступление любви нравоучительнее в лице слабого Сен-Пре, нежели в лице зверского Ловеласа ...»²⁸ Далее логика автора такова: Ловлас — герой не типичный, в отличие от характерного для «света» образа Сен-Пре (добродушного, но слабого юноши), а поэтому подобные герои «гораздо обыкновеннее и скорее могут показать пример опасности для обоих полов».²⁹

Читателями романов Ричардсона Измайлов делает не только своих «чувствительных» героев, но и советует читать их всем «чувствительным» людям. Так, в издаваемом им «Российском музее, или Журнале Европейских новостей» (1815), он помещает переведенную им статью А. Ривароля «О чтении романов вообще и Английских в особенности»,³⁰ носящую явно программный характер. В ней ставилась насущная для русских сентименталистов тема света и «ослабления» или даже «совершенной утраты чувствительности». В качестве последнего средства ее «восстановления» автор назидательно предлагал чтение образцовых английских сентиментальных романов.

Содержание статьи соответствовало настроению, переживаемому Измайловым и поклонниками «чувствительного» чтения вообще. Об этом настроении мы можем судить по сохранившейся переписке Измайлова и его друга и почитателя, известного поэта и прозаика, декабриста Ф. Н. Глинки. Как следует из переписки, они обсуждали ту же волновавшую их проблему порождения светским обществом «холодных» людей и постепенного исчезновения людей «чувствительных». Читаем в письме Глинки к Измайлову: «Ваши мысли на счет холодности нынешнего светского общества (в котором больше прозаизма, нежели в самой бумажности губернского правления) весьма сходны с теми, кои имел я сам, обращаясь в свете или суеде и суетности».³¹

²⁷ Московский журнал 1791 Ч.4 С 109.

²⁸ Вестник Европы. 1814 №9. С 45

²⁹ Там же С 46

³⁰ Российский музей, или Журнал Европейских новостей 1815 Ч 4 С. 108–119

³¹ Письмо Ф. Н. Глинки к Измайлову. 1826 г. 13 дек Петрозаводск // Московский обозреватель 1877 №16 С 418

Статья была прямо обращена к «чувствительному человеку», которому трудно найти подобных себе по «сердцу и чувству», в утешение которому остается только чтение «отборных» английских романов и «уединенная беседа с самим собою».

Такой «чувствительный» читатель еще существовал в конце 20-х годов XIX века. Ярким примером этого и является Ф. Н. Глинка. Восхищаясь слогом Н. М. Карамзина и В. В. Измайлова, он писал: «Пусть кричат умопоклонники, пусть выхваляют свой правильный, сухой и холодный слог, я придерживаюсь сердца и повторяю одно и то же: с ума сойти можно, а с сердца никогда».³² Именно такому читателю Измайлов предлагает романы Ричардсона, Филдинга и Голдсмита.

Большая часть статьи посвящена Ричардсону. Ему отдается приоритет перед Филдингом и другими английскими авторами как писателю более глубокому и нравственному. Сравнивая роман с историей с точки зрения их полезности для воспитания нравов, автор отдает предпочтение роману, считая историю сухой. Романы же, но романы нравоучительные, «могут питать душу постоянным образом, согреть ее теплотою умеренною, которая приводит не в распаление, но в умиление. Ричардсон есть Корнель сего рода. Где почерпнем лучшую Философию нравов, как не в его романах? Как душа моя возвышается, смягчается и добреет, так сказать с Клариссою!»³³ Несколько страниц посвящено анализу образа Клариссы, анализируется сцена в притоне Сен-Клер. Среди всех английских романов предпочтение отдается романам Ричардсона.

Здесь же Измайлов помешает, по-видимому, собственный перевод еще не известного русскому читателю «Письма Ричардсону от супруги Клопштока».

Продолжая следить за европейской критикой в отношении жанра романа, Измайлов публикует в «Русском зрителе» (1828) переведенные им отрывки из предисловия только что вышедшего тогда романа В.-Ж.-Э. Жуи «*Sécile ou les Passions*», которые, на его взгляд, содержали «новые мысли и мнения» о романах, причем выбирает он отрывки, посвященные анализу творчества Ричардсона и В. Скотта. Проблемы, поставленные в этом предисловии, отражали содержание литературного процесса 20-х годов XIX века.

Конец 20-х годов XIX века — время угасания сентиментальной повести как жанра. Как отмечают исследователи, в прозаических опытах этого периода ощутимы новые тенденции, которые получили полное развитие в литературе следующего десятилетия. Проза усваивает опыт романтической поэмы, т. е. новый тип повествования. «Новые по сравнению с сентиментальной повестью композиционные принципы, новый герой позволили сделать ее отражением передовых умонастроений в эпоху, когда именно идейные искания стали определяющей приметой общественной жизни страны».³⁴

³² Письмо Ф. Н. Глинки к Измайлову. 1827 г. 10 янв. Петрозаводск // Московский обозреватель. 1877. № 16. С. 417.

³³ Российский музей. 1815. Ч. 4. С. 111.

³⁴ Петрушина Н. Н. Проза второй половины 1820-х—1830-х гг. // История русской литературы. Л., 1981. Т. 2. С. 501.

Состояние выбора между разными типами романов особенно заметно в журналах и альманахах середины 1820-х годов, где перемежаются отрывки из романов исторических и нравоописательных. Но уже 1830-е годы были периодом бурного расцвета исторического романа.

Предисловие Жуи «О романах», выбранное Измайловым для перевода, в определенной степени отражает состояние русской прозы 20-х годов — состояние выбора между традицией сентиментальной нравоописательной и романтической исторической прозы. И если в целом русская проза выбирает новый тип повествования, то Измайлов остается верен сентименталистским принципам. Так, вслед за автором, утверждавшим, что «творения В Скотта нанесли удар Ричардсоновским романам», Измайлов завершает этот вывод восклицанием «А зря!»³⁵

В предисловии анализируется созданный Ричардсоном роман «частной жизни», подчеркивается роль Ричардсона в создании новой формы повествования (роман в письмах), отмечается мастерство в создании характеров Руссо и Сталь — «сии два романиста уронили, по нашему мнению, славу романов в письмах». В предисловии утверждается, что на смену роману в письмах приходит исторический роман.

К Ричардсону обращается Измайлов и в своих рассуждениях о природе художественного творчества. В статье «Религия и философия» развивается характерная для этики сентиментализма мысль о религиозно-философской основе истинного творчества.

Философия имеет божественное происхождение и призвана исследовать причины зла и образовать «науку добра». Измайлов перечисляет имена великих людей, руководствовавшихся философией, среди которых в области романов называет Ричардсона. Так, он пишет «Философия от колыбели мира присутствует в совете великих умов, чтобы исследовать причины зол и образовать науку добра. Ею руководствовались в нравоведении Сократы и Плутархи, в законодательстве Платоны и Беккарии, в истории Тациты и Юмы, в Поэзии Гомеры, Горации, Поппи, Корнелии, Виланды, Державины, в самых баснях и романах Эзопы и Ричардсоны»³⁶. Следует отметить, что собирательный образ романистов назван не именем особо почитаемого Измайловым Руссо, а именем безусловно «нравственного» Ричардсона.

Таким образом, русская сентиментальная повесть 10-х годов XIX века все еще находилась под большим влиянием западноевропейской сентиментальной прозы. Исследованный нами материал позволяет говорить о Ричардсоне как об одном из авторов, продолжавшем влиять на русскую повествовательную литературу начала XIX века. Примером этого и является проза В. В. Измайлова.

³⁵ Русский зритель. 1828. № XV, XVI. С. 224.

³⁶ В(ладимир) И(змайлов). Религия и философия (русское сочинение) // Вестник Европы. 1814. № 17. С. 52.